

Ртуть, спрятанная в гробнице, изначально не причиняла вреда, и за все эти годы с Мэн Ци ничего не случилось.

Но если ртуть вытечет из гробницы и попадет в горные источники, это станет большой проблемой.

Каторжники в шахтах горы Сылан, помимо тех, кто умер от усталости и болезней, погибли из-за ртути, испарявшейся при добыче золота. Такая токсичность была намного сильнее, чем у жителей уезда Цюлин, которые пили воду. Горы костей, а также заброшенные шахты, засыпанные наспех, привели к тому, что драконья жила горы Сылан не смогла спасти себя и в конце концов взорвалась.

Думая об этом, Мо Ли, хотя и не чувствовал себя подавленным, ощутил холод внутри.

Мэн Ци... возможно, уже прошел через это.

«Неприятности», попавшие в источники горы Заоблачной, постепенно были «отфильтрованы» драконьей жилой, и новые листья почти не пострадали. По сравнению с горой Сылан, здесь все уже под контролем. Возможно, через год даже слабый запах в воде исчезнет.

— Брат Мэн...

— Врач, прошлой ночью ты называл меня по имени, почему теперь снова формальничаешь? — Мэн Ци не знал, о чем думал Мо Ли, но, видя, как врач смотрит на него снова и снова, даже он, обычно спокойный, начал волноваться.

Услышав такой серьезный вопрос от Мэн Ци, Мо Ли почувствовал абсурдность ситуации и невольно спросил:

— Брат Мэн всегда называл меня врачом, а теперь упрекает в формальности?

Если говорить о близости обращения, то я в более выгодном положении, ведь «врач» — это более близкое обращение?

Мэн Ци потер нос и смущенно ответил:

— Между ровесниками принято обращаться по имени, но в прошлом слишком много людей называли меня по имени, так что врач, пожалуйста, называй меня просто по имени.

Хотя обращение по имени считается невежливым, Мэн Ци не нуждался в том, чтобы Мо Ли проявлял к нему «вежливость».

Люди из деревень и те, кто скитается по рекам и озерам, называют друг друга по имени без церемоний.

— У врача есть имя?

— Конечно, учитель дал мне имя...

Мо Ли не успел закончить, как Мэн Ци прервал его жестом.

— Чуть не забыл, что у врача есть учитель, так что это имя я не могу использовать, — Мэн Ци подумал, что если он привыкнет называть его так, то, вернувшись к учителю, врач будет чувствовать себя неловко, слыша, как учитель называет его по имени.

Это неприемлемо.

— Тогда есть ли у тебя детское имя? — с ожиданием спросил Мэн Ци.

Имя и детское имя — это не одно и то же. Детское имя — это имя, данное в детстве.

У Мо Ли, конечно, его не было. После того, как Цинь Лу подобрал его, он, еще не понимая многого, сам выбрал себе имя и сказал Цинь Лу, что его зовут «Мо Ли». Цинь Лу подумал, что это имя ребенка, и не придавал этому значения.

Мо Ли быстро и хорошо запоминал тексты и не был таким озорным, как обычные дети. Цинь Лу давно перестал считать его ребенком, поэтому и не называл его детским именем.

— У меня нет, а у тебя, брат Мэн?

— Тоже нет.

Жизнь Мэн Ци была намного сложнее, чем у Мо Ли. Он никогда не превращался в ребенка и не «рос» среди людей, так откуда у него могло быть детское имя?

— Обращение — это всего лишь светская формальность. Мы с врачом не принадлежим к этому миру, так что давайте не будем усложнять, — вздохнул Мэн Ци, вынужденно отступив в этом вопросе.

Мо Ли смотрел на него с странным выражением лица.

Только что прозвучавшая фраза была приятной и полной гордости, но, по сути, Мэн Ци просто похвалил себя, верно? Не ошибся ли он?

Мо Ли бесстрастно подумал: ага, разница в том, что государственный наставник Мэн теперь включает и его, хваля обоих.

— Независимо от того, кто закопал яму, факт в том, что гробницу императора Ли нашли, — напомнил Мо Ли.

— Возможно, это был старый предок Цинъю, а может быть, настоятель этого храма. Кто знает?
— Мэн Ци сложил руки за спиной и беззаботно сказал:

— Сейчас у нас есть два варианта. Первый — притвориться путешественниками и попроситься на ночлег в храм... Думаю, этот монах, возможно, помнит мою внешность. Если напугать его, может, получим ответ. Второй — действовать на опережение, захватить Гун Цзюня и заставить его рассказать все, что он знает.

Мо Ли:

Оба варианта не очень хороши, особенно второй, который явно намекает на желание найти повод для драки.

В этот момент из кельи в переднем зале раздался крик.

Настоятель храма Шести Гармоний явно был в крайнем ужасе, и даже на таком расстоянии его крик был слышен.

Внутри комнаты.

Старый монах сначала пытался убедить заместителя командующего Цзиньивэй, что его отец не был наследным принцем династии Чэнь, а он сам не был тем монахом, который принял постриг в храме Служения Родине под именем Тянь Юань. Но когда Гун Цзюнь бросил на стол несколько документов, разоблачающих старого монаха в краже чужого удостоверения и подделке личности, настоятель с отчаянием опустил на пол.

Гун Цзюнь, конечно, не собирался арестовывать его. Потомки династии Чэнь ничего не стоили. Он холодно спросил:

— Где императорская нефритовая печать?

Старый монах выглядел растерянным. Когда он понял, что Гун Цзюнь пришел за нефритовой печатью и, похоже, был уверен, что она была подменена еще тогда, когда наследный принц династии Чэнь бежал из столицы, и что в реку он бросился с подделкой, он чуть не выругался.

— Чушь!

Старый монах вскрикнул, но затем осознал, что нельзя кричать, и с раздражением сказал:

— Я никогда не видел эту вещь!

Многолетнее чтение молитв было забыто. Настоятель понимал, что если он не сможет доказать свою невиновность, ему не выжить.

— Если нефритовая печать, которую получила династия Ци, была подделкой, почему вы решили, что это мой отец подменил ее? Почему не думаете, что это сделали представители династии Чу?

Услышав это, Гун Цзюнь усмехнулся и сказал:

— Ты задал интересный вопрос.

Старый монах, принявший постриг под именем Тянь Юань, застыл. Он был стар, но его разум еще работал, и годы чтения молитв не сделали его глупым.

— Вы вообще не смогли получить нефритовую печать? Даже подделку? — в ужасе спросил старый монах.

Нефритовая печать — это всего лишь символ. Если династия уже укрепила свою власть, то неважно, настоящая печать или поддельная. Потому что подделка тоже может стать настоящей.

Но династия Ци, которая до сих пор не смогла стабилизировать страну, не может позволить себе, чтобы нефритовая печать оставалась на свободе.

Лу Чжан захватил Тайцзин и почти полностью уничтожил представителей династии Чу. Жизнь потомков династии Чу была намного тяжелее, чем у потомков династии Чэнь, и украсть нефритовую печать было практически невозможно. Даже если бы это произошло, за последние десять лет все было бы проверено.

И даже тогда они не нашли ее?

А если бы у трех князей династии Чу на юге была нефритовая печать, они бы уже давно объявили об этом, вместо того чтобы спорить, кто из них является истинным наследником династии Чу.

Таким образом, естественно возникает вопрос: существовала ли нефритовая печать династии Чу на самом деле?

Нефритовую печать обычно не показывают людям, она используется только для важных указов и документов о жертвоприношениях. Пока отпечаток правильный, как люди могут знать, как она выглядит на самом деле?

Возможно, эта «поддельная печать» была уничтожена во время дворцового переворота, и династия Ци, пытаясь найти настоящую печать, естественно, обратилась к предыдущей династии Чэнь — старый монах подумал, что понял суть дела, и его лицо побледнело.

Гун Цзюнь намеренно вводил старого монаха в заблуждение. Он схватил его за воротник и с угрозой сказал:

— Цзиньвэй был создан еще в династии Чэнь. Как потомок императорской семьи династии Чэнь, даже став монахом, ты должен знать о «темнице указов». Все, кто попадает туда, молят о быстрой смерти! Лучше расскажи все, что знаешь, пока я тебя предупредил...

Старый монах дрожал, его лицо выражало ужас.

На самом деле Цзиньвэй династии Ци не был таким страшным, как в династии Чэнь. Не потому, что они были справедливы и открыты, а потому, что Лу Чжан хотел сохранить видимость «гармонии между правителем и подданными». Он не мог, как в династии Чэнь, просто арестовать чиновников, которые ему не нравились, и бросить их в темницу на годы, превращая их в подобие призраков.

Но старый монах не знал этого. Цзиньвэй был печально известен среди народа, а император династии Ци убил слишком многих людей. Чем больше он думал, тем больше боялся, и, собравшись с силами, сказал:

— Я бы хотел обменять нефритовую печать на свою жизнь, но у меня ее нет. Моя жизнь окончена!

С этими словами он закрыл глаза, и слезы покатились по его лицу, делая его жалким.

Но Гун Цзюнь не купился на это.

Он, конечно, не думал, что, узнав личность старого монаха, тот автоматически знает, где находится нефритовая печать. У него были веские причины подозревать этого потомка династии Чэнь.

<http://bllate.org/book/15299/1351916>